

Геннадий Волков

Этнопедагогическое осмысление общечеловеческих ценностей

Общечеловеческие духовно-нравственные ценности являются вечными. При этом речь может идти необязательно о *системе*, а о *наличии* их. Отсутствие *системы* явлений не свидетельствует об отсутствии явления. Высшей общечеловеческой ценностью являются жизнь и здоровье (Буева Л.П.). Конечно же, общечеловеческой ценностью является человеческая солидарность. Если бы не было общечеловеческих ценностей, наша настоящая встреча лишена была бы всякого смысла. Поэтому отрицание общечеловеческих ценностей в докладе А.А. Зиновьева вызывает, извините, недоумение. Представить эти ценности такой высокой аудитории не так-то просто.

Для меня сама тема доклада оказалась очень ответственной и сложной. При первом подходе, сам того не замечая, я написал три почти самостоятельных доклада: во-первых, этнопедагогика как педагогика, объединяющая народы на вечных общечеловеческих ценностях, во-вторых, японо-русский и русско-японский этнопедагогический диалог культур и, в-третьих, личностный аспект: прослеживание естественного, ненасильственного, непринужденного, конструктивно-созидательного проникновения педагогической культуры японцев в российскую действительность.

При дружески заинтересованном консультационном покровительстве В.С. Хелемендика мне удалось объединить три темы в единую проблему, представленную в названии настоящего сообщения.

Этнопедагогическое осмысление общечеловеческих ценностей требует учета особенных свойств народной педагогики и народного воспитания, являющихся предметом этнопедагогики. Мы убеждены в том, что *этнопедагогика — это педагогика национально-го спасения, педагогика всеобщей мудрости, всеобщей любви, это природосообразная, естественная педагогика, свободная от посредников, каждый ее носитель свободен, автономен, самостоятелен, поэтому это — педагогика из «первых рук»*. Этнопедагогика ориентирована на личность, она максимально персонафицирована, персонализирована, автобиографична и постоянно апеллирует к воспоминаниям. А воспоминания, в свою очередь, ведут к историческим преданиям. Этнопедагогика ведет диалоги с народами, открывая путь к сердцам людей и народов: чтобы узнать

народ, надо узнать его систему воспитания. Поэтому этнопедагогика сплачивает народы.

Создание демократической, истинно национальной школы возможно только на этнопедагогической основе. Любая школьная система должна быть естественно выращена из нужд самой нации. Отрадно заметить, что в этом вопросе русские К.Д. Ушинский и Л.Н. Толстой были единомышленниками с японцами Када Адзума-мара и Нацуме Сосэки, хотя жили в разное время и не были знакомы с идеями друг друга, что опять подчеркивает общечеловеческий характер ценностей образования и воспитания.

Вне *труда* нет ни *красоты*, ни *добра*, ни *справедливости*, трудовое обучение естественным образом ориентирует процесс формирования личности на воспитание высоких нравственных качеств. Расхожей стала фраза Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир», причем она берется вне контекста. У русских красотой называлось дерево, а также и девушка, украшенная березовыми вениками, ветвями. И «красотка» вначале совершенно не имела иронического оттенка. Так что в русской педагогике, этнопедагогике народов России *труд*, *справедливость*, *красота*, *добро*, являясь слагаемыми *нравственности*, составляют единое гармоническое целое на природосообразном, жизнесообразном уровне.

Далее позволю себе остановиться несколько подробнее на личностном аспекте этнопедагогического диалога культур. Никогда вроде бы специально не выделялись в моей деятельности японские традиционные ценности, однако они естественно присутствуют в моей деятельности.

Остановлюсь только на некоторых примерах, произвольных, не подобранных специально.

1 октября 1961 г. В.А. Сухомлинский писал мне с радостью: «Получил из Японии книгу «Педагогический коллектив средней школы», переведенную на японский язык профессором Акио Сугияма (издана тиражом две тысячи). По-японски называется книга несколько иначе: «Как живет и трудится сельский учитель».

В 1966 г. я опубликовал в переводе на чувашский язык японскую народную сказку «Путешествие собаки и лисицы», включив ее в тематический сборник сказок народов мира под общим названием «В дружбе — сила». Сказка стала хрестоматийной для учащихся начальной школы. Основная нравственная идея сказки — равноправие друзей, добро, труд, справедливость, а их гармония составляет душевную красоту.

А вот несколько фрагментов цикла лекций «Современное функционирование народной педагогики как феномена демократии и гуманизма в сфере воспитания», опубликованных в Чебоксарах отдельным изданием в 1993 году.

Профессор Хоккайдо университета Такэда Масанао, иностранный член Российской академии образования, рассказывал о мальчи-

ке по имени Масао. У него отец был пьяницей, обижал и мать, и сына; это странно вообразить нам, имеющим идеальные представления о благополучной стране и благоденствующей нации. Матери с сыном приходилось даже скрываться от отца — как будто это не Япония, а соседняя с ней огромная страна. Привела мать мальчика к учителю. Тот беседует с матерью в коридоре. Беседует и с мальчиком — запущен до невероятности, не знает программы, немыта шея, грязно в ушах. Ласково ведет его с собой в класс. Коридор не бесконечен, если даже идешь, медленно беседуя. Лихорадочно думает учитель: как представить мальчика классу, чтобы приняли его дружелюбно, чтобы он сразу нашел друзей, влился, как у нас принято выражаться, в коллектив. Как поступить? Учитель ничего не находит... **Народная педагогика — это искусная, изобретательная практика, интуиция, импровизация.** И что же? У самой двери, готовый уже открыть ее, учитель внезапно замечает, что у худого мальчика длинные ноги. Осенило его вдруг: «Ты, Масао, наверное, очень хорошо прыгаешь?» «Да», — говорит мальчик и сообщает некоторые подробности, в том числе и об успехах среди ровесников. Учитель представляет Масао классу как прекрасного прыгуна, не скрывает и трудностей в жизни, в учебе. Быстро выясняется, что многие хотят сидеть рядом с новым учеником. Вскоре он выбирается ответственным в классе за спорт. Ему покупается соответствующая обувь, форма. Оказывается помощь по математике. Прививаются и гигиенические навыки. Трудности были, много трудностей, но заинтересованность класса, понимание дают результат. Так и вышел Масао из трудной ситуации, и судьба его сложилась вполне благополучно.

Почему этот эпизод — из жизни незнакомого мальчика далекой страны — стал для меня событием? В нем — ситуация, ставящая проблему, создающая проблемность совершенно в духе народной педагогики. Да к тому еще ситуация, сходная со многими нашими, — это тоже усиливает ее событийность. Без ссылки на профессора, без имени мальчика можно ли определить страну, в которой имело место это событие, ставшее для меня информационным событием? Вот почему и говорю я все время: этнопедагогика — это не педагогика этноса, а педагогика этносов. Человечество — космический этнос, космическая личность, любой из народов — историческая личность, макрокосм. Микрокосм у Я.А. Коменского — индивидуум, человеческая личность. Образ целостного человека и есть личность. Все едино в мире, все едино! Поэтому и подчеркиваю я постоянно, когда речь веду об этнической педагогике, обязательный контекст, концептуальный, так сказать, сюжет — **традиционная система воспитания любого народа в связи с проблемой общности народных педагогических культур.** Надо всегда помнить об этой общности. Самые характерные особенности не исключают общность, а лишь обогащают ее. Сво-

еобразия — это уровень культуры. Мы все время говорили и писали, подчеркивали общее, объединяющее, а объединяет-то ведь не аморфно-абстрактное общее, а именно отличное, особенное. Все на одно лицо — где же тогда личность? Тем более историческая личность.

Почему об этом говорю столь подробно? Да потому, что представляется естественным присутствие здесь высших человеческих ценностей: *справедливость, труд, красота* и сильнее всего и более всего, конечно, *добро, доброта* как лучшее, наиболее убедительное проявление любви к обездоленному мальчику. Разве не очевидно, что все это вместе составляет надежную базу нравственности, соответственно и нравственного воспитания.

Еще один фрагмент из последней лекции упомянутого цикла.

А как же Япония без Я.А. Коменского? — невольно вырвется у скептика, не знающего о первых переводах «Зрелищ вселенных» на японский, осуществленных в России в XVIII веке, в Переводческой комиссии Российской Академии наук, созданной по инициативе М.В. Ломоносова. Могу лишь успокоить: коменскологические корни педагогической культуры японцев чрезвычайно велики, они оказались в плодородной почве тысячелетних собственных традиций воспитания, по-своему гуманистических, по-своему демократических. Познакомьтесь с трудами Тэруо Фуэ-ита (Акита — университет), профессора Момору Хорэцуки (Нагойя — университет), они же мыслят о Коменском категориями чешско-японскими и всемирными, не это ли еще одно свидетельство духовной общности народов единого человечества? В то же время именно Япония доказывает всему миру, что *никакая созидательная модернизация школьного дела немислима без опоры на свои вековые народные, национальные традиции*. Игнорирование этих традиций напрочь исключает демократичность системы образования и воспитания.

О национализме говорят сейчас гораздо больше, чем о шовинизме, хотя первое порождается вторым. Как-то один шовинист писал о нанайском национализме. Надо же понимать: национализм, самое большое, может испортить настроение, а шовинизм, самое малое, лишает малочисленные народы завтрашнего дня, лишает жизни. Далеко не равноценные возможности и последствия национализма и шовинизма. В связи с этим не могу не напомнить факты из истории японцев. Мияке Сетсуреи издавал журнал «Японцы», девизом которого было: «... *сохранить японский дух, японский способ мышления, японские обычаи и традиции*». Куга Миноры, разделявший эти же взгляды, требовал четкого уяснения содержания таких понятий, как «патриотизм» и «национализм». Патриотизм — это любовь к родине, без которой ни один народ не может существовать. Национализм — это способ самозащиты, сохранения национального самосознания, сохранения уникальности своей культуры. У нас же до сих

пор национализм трактуется почти как нацизм, хотя идейный национализм, контролируемый паритетными межнациональными соглашениями, есть патриотический интернационализм или интернациональный патриотизм. В.С. Хелемендик как-то сказал о себе, что он националист дважды: украинский и русский. Я, наверное, еще больше: якутский, кубинский, калмыцкий, японский, татарский, немецкий, ненецкий, башкирский, киргизский, тувинский, марийский... А как же — русский?.. Награжден золотой медалью Гердера «За выдающиеся заслуги в распространении русского языка и русской культуры в духе германо-советской дружбы». А вот с чувашским национализмом ничего не вышло. Не получилось как-то... В этом, однако, едва ли только моя вина...

В этих самых лекциях, из которых я привожу фрагменты, я сравниваю трудовое воспитание якутов и бурят с традициями трудового воспитания китайцев и японцев. Не могу не добавить, что даже разработанный мной для ЮНЕСКО официальный документ «Этнопедагогическая концепция национального образования и воспитания» содержит ссылку на японский опыт.

Если в связи с приведенным фрагментом обратить внимание на еще более личное — на уровне интимного, то обнаружится еще больше красоты и добра. Так, например, новогодние музыкальные открытки профессора Теруо Фуйита целый год радовали красотой и мелодии, и изображения мою девяностолетнюю мать в далекой чувашской деревне.

Таких примеров в моей жизни и деятельности очень много, они убедительно иллюстрируют общность народных педагогических идей. И в первом в мире учебнике по этнопедагогике есть обращения к авторитету японских традиций. Одна только ссылка: «Возьмем, например, педагогическую культуру японцев, собственные тысячелетние традиции которых не мешают внедрению педагогических достижений других народов. Однако любое игнорирование собственных традиций исключает демократичность системы образования и воспитания». Именно тем и ценно этнопедагогическое осмысление общечеловеческих ценностей, независимо от того, кто как их представляет: Н.Д. Никандров, В.А. Караковский или программа настоящей встречи.

О японцах мы думаем заинтересованно, доброжелательно, чаще всего — тепло. Почти забытая у нас современной молодежью русская песня «Катюша» звучит на японском очаровательно и сегодня, а танцы под ее мелодию, особенно когда танцуют немолодые, производит неизгладимое впечатление. Такой многообразный, содержательный диалог культур естествен, в него включаются люди, понимающие истинную красоту, добро, справедливость, нравственность.

Разбирая опыт Яснополянской школы Л.Н. Толстого и Симбирской чувашской — И.Я. Яковлева, мы охотно обращаемся к опыту

школ эпохи Токугавы (XVII—XIX вв., вернее: 1602—1867). Для уроков чтения японские учителя в сельских местностях подбирали такие тексты, которые в данном селе исполнялись на свадьбах, на похоронах, на местных праздниках, что воспитывающее обучение детей тесно связывало с жизнью крестьян. (Это отражено, между прочим, во всех изданиях «Букварей для чуваш» Яковлева, которые дополнялись учителями при участии самих детей.)

Л.Н. Толстой посвящал занятия стихам, звездам, учил детей любоваться сверкающими звездами Млечного пути. Выводя детей на лоно природы, он учил их слушать тишину леса, журчание ручьев, шорох листьев, видеть красоту деревьев. Это очень похоже на японские традиции. Урок Л.Н. Толстого под цветущей липой живо напоминает весенние праздники японцев, посвященные цветению сакуры. «Если он мудрец из провинции Оми — не значит ли это, что он мудрец всей вселенной» — речь о Наказ Тодзю (1608—1648), воспитанном дедом в духе традиционной сельской морали и педагогики. Ведь, в сущности, таков и мудрец из Ясной Поляны. А мудрец из Симбирска — И.Я. Яковлев — во многом творчески подражал Л.Н. Толстому. Не только в учебниках, но и в образе жизни, в стиле отношений с учащимися. Еще один любопытный факт. У И.Я. Яковлева во дворе школы росли три большие черемухи. Во время их цветения водились хороводы вокруг цветущих черемух. Усаживаясь кругом, учащиеся любовались красотой, наслаждались и ароматом. Девушки пели песню, очень напоминающую древние религиозные моления, представляющие собой обращения к красоте всей вселенной: «Когда расцветает черемуха, лес становится прекрасным» (буквально: приходит, возвращается в лес красота, как будто спускаясь с неба), «Когда отцветает черемуха, вселенная лишается красоты» (буквально: уходит красота), «Когда девушки выходят на хоровод, на улицу приходит красота, а когда девушки уходят с хоровода, с ними из вселенной уходит красота». Поклонение красоте черемухи, как и в случае уроков Л.Н. Толстого под цветущей липой, очень напоминает японский праздник цветущей сакуры. Тем не менее не могу также попутно не подчеркнуть, — в связи с параллельными строками, — что высшая красота мира, по представлениям чувашей, — человеческая, однако выше высшей, вершина вселенской красоты — красота девичья.

Все это слышат мои студенты на лекциях и на семинарах. И сами пишут рефераты об этом, выполняют контрольные задания, делают доклады. Являясь одним из соавторов «Этнопсихологического словаря» (М., 1999), не могу не привести небольшой фрагмент из статьи о японцах: «Недостаток плодородной земли, сложные климатические условия, рост населения и его эксплуатация заставляли японцев напряженно трудиться, выискивать формы и средства деятельности, обеспечивающие хотя бы минимальные возможности для существо-

вания. В результате в национальном характере народа сформировались такие черты, как трудолюбие, бережливость, упорство в достижении поставленных целей, внутренняя самодисциплина, стойкость к трудностям».

Студенты мои охотно обращаются к афористической этнопедагогике японцев. «Невозможно понять поведение народа, не уяснив своеобразие его мышления», — гласит японская пословица. Ее нередко можно встретить в качестве эпиграфа к рефератам. На чувашских студентов производит сильное впечатление тот факт, что супруга императора Хирохито всю жизнь занималась, причем на научно-исследовательском уровне, тюркскими языками, знала татарский, алтайский, чувашский языки (информация получена Салахатдином Гамром от заместителя посла Японии в России Акио Кавато). В связи с этим, представляясь студентам, привлекаю их внимание к тому, что я похож на старого японца — и они соглашались со мной. Скоро увидит свет двухтомник моих избранных этнопедагогических сочинений под названием «Педагогика любви». На последней странице обложки помещено мое небольшое изображение. На нем я еще более похож на старого японца, однако одновременно и на алтайца, якута, китайца, корейца, казаха, калмыка... Как тут не вспомнить Александра Блока: «Да, азиаты мы»... А мы — тем более.

В книге «Восхождение к успеху. Воспитание в Японии: история и современность» Кадрия Исмаилова приводит высказывание русского флотоводца М.В. Головнина, два года находившегося в плену в Японии: «Японцы умны и проницательны. Они честны, сострадательны к несчастиям ближнего, гостеприимны, необычайно вежливы, опрятны и чистоплотны и самое главное — работают с песней». Думаю, что мы в этих словах находим то, что надо, — гармоническое единство **трудолюбия, добра, красоты и справедливости** как основы **нравственного** воспитания. И это прекрасно, просто замечательно.

Особо хотелось бы отметить следующее.

Японцы нам особенно интересны и симпатичны тем, что их культура входит в нашу российскую естественным образом, миролюбиво, почти ласково, с какой-то тихой нежностью — безо всяких специальных усилий ни с той, ни с другой стороны. Происходит, так сказать, конструктивная, созидательная, взаимообогащающая интеграция культур на основе их равноправного диалога. Пожалуй, можно было бы употребить даже слово «сублимация». Это взаимодействие доброе, справедливое, красивое, оно взаимно обогащает, никто ничего не теряет, ничто никем не вытесняется.

Это наблюдается на каждом шагу по всей России, в том числе немало и локальных примеров. Передо мной календарь Федера-

ции Кёкусинкай каратэ Чувашской Республики... Этот факт едва ли нуждается в комментариях. Недавно побывал я на выставке-конкурсе детских рисунков в Чувашском художественном музее. Тема выставки — «Япония глазами детей». Этот конкурс — уникальная реакция детей на выставку японских кукол. Подобные примеры — на каждом шагу. В лицее № 1 в Чебоксарах 28 сентября 2002 года сижу на уроке в 3 «А» классе. Над доской три девиза. Слева — японская пословица: «Если сыт и одет, позаботься о хороших манерах». Справа — изречение Конфуция: «Все добродетели имеют своим источником этикет». В середине — чувашская пословица: «Старые — должны учить, молодым — необходимо слушать». Тут же на уроке одна ученица сообщает, что в их доме живет девочка, вернувшаяся из Японии со знанием японского языка. Ученики вспомнили, что в Чувашии гордятся известной спортсменкой Валентиной Михайловой, в 1996 году удостоенной звания почетного гражданина Токио.

Об этом рассказываю подробно потому, что американцы, к сожалению, входят в российскую действительность не просто высокомерно, но и очень агрессивно, многое вытесняют, ломая и разрушая на своем пути. Печально, но это общеизвестный и общепризнанный факт. Порою не просто печально, но и страшно: что ни говорите, русской культуре три тысячелетия, а американской, собственной культуре — триста лет.

Этнопедагогическое осмысление доброго, прекрасного, справедливого подтверждает известные формулы о единстве *прекрасно-доброе* (Лосев А.Ф.), эстетика — это наука будущего (Горький А.М.), этика есть высшая форма эстетики (Станиславский К.С.).

На этнопедагогических практикумах все чаще и чаще мы привлекаем внимание студентов к переводам с японского; чаще всего и более всего поэзии. Содержательной была, например, работа с книгой «Синсэн вакасю» (VIII–X вв.). Более того, этот сборник явился индивидуальным творческим заданием для бурятского стажера.

Извините, что опять возвращаюсь к сокровенно-личному. Не предвидя и не предчувствуя нашей встречи, в своей скорбной книге «Нет, вся ты не умерла», посвященной памяти жены, я привел два плача первого великого поэта Японии — Какиномото-но Хитамаро:

Из плача о возлюбленной

В горах осенних — клен такой прекрасный,
Густа листва ветвей — дороги не найти!
Где ты блуждаешь там? —
Ищу тебя напрасно!
Мне неизвестны горные пути.

Плач по жене

Луна осенняя, что нас видала вместе,
Мир озаряет вновь, взойдя на небосвод,
А милая моя,
Что любовалась ею,
Все дальше от меня за годом год...

Так что Япония приходит и в дома, и в семьи. Это делает она скромно, достойно, неожиданно красиво. Что говорить?.. В семьях известно имя и Андо Момофуки, автора «лучшего японского изобретения двадцатого века» — лапши быстрого приготовления. Кажущаяся мелочь, а греет души, награждая чувством благодарности.

На разных языках мы говорим, по-разному называемся — японец, русский, еврей, калмык, украинец, татарин, якут, чуваш — но, в конце концов, все равно мы обозначены одним словом: **человек**. Одинаково смеемся, одинаково горюем. Да и ценности, такие, как **справедливость, труд, красота, добро**, образующие фундамент здания **нравственности**, мы воспринимаем почти одинаково, только фактура кое-где, быть может, имеет национально-этнические оттенки: цвета, рисунки, размеры, их соотношение... (Петрова Т.Н.).

К сожалению, мне не удалось в докладе серьезным образом выйти на труд как на высшую ценность, творящую **красоту** и **добро**, обеспечивающую **справедливость**. Русские о чувашах уже многие века повторяют:

«Трудолюбие — основное свойство чувашей, труд — основное их состояние». Среди русских имела хождение даже пословица: «У чувашей ребенок одной ногой в колыбели, другой — в поле». Сами чувашаи внушают:

«Пусть трехлетний помогает отцу, трехлетняя — матери». А трудолюбивым называют только того, кто и нелюбимое дело делает с радостью.

Что же касается **свободного, естественного** воспитания в деревне, то оно и у русских, и у украинцев, и у чувашей с татарами очень похоже на японское. Мы росли и воспитывались в труде так, что были **счастливы** свободой на лоне родной природы, совершенно одинаково чувствуя **красоту, добро** и **справедливость**. Да и нравственные ценности наши в этой сфере почти совпадают.

